

CZU:796.01:001.3

О МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ НАУКИ О ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТЕ: АКТУАЛЬНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ

Манолаки Вячеслав¹

Визитей Николай²

^{1,2}Государственный университет физического воспитания и спорта, Кишинэу, Республика Молдова

Резюме. В настоящее время, оценивая общее состояние науки о физической культуре и спорте, часто говорят о необходимости её модернизации. Это справедливо уже по той причине, что уже давно существует и в последние годы особенно резко обозначилось серьёзное расхождение в трактовке таких понятий как «двигательное действие» и «физическая культура», выступающих базовыми в науках о физической культуре и спорте, и трактовкой этих понятий в науках более широкого плана, прежде всего в философской антропологии, которая неизменно проявляет к данным феноменам повышенный интерес.

Представление о двигательном действии и о физической культуре, в основе которых лежит адекватная методология, обостряет у человека общее чувство движения и чувство собственного тела, а в научно-познавательном плане – способствует формированию надёжной концептуальной основы для теоретического анализа и для разработки арсенала методических средств, позволяющих эффективно решать проблему двигательно-телесной подготовки человека. Вышесказанное не означает, что осуществляя модернизацию науки о физической культуре и спорте, следует идти по линии полной замены позитивистской методологии методологией философской. Речь идет, прежде всего, об усилении в рамках общеметодологического подхода метафизической составляющей.

Ключевые слова: методологические основы науки о физической культуре и спорте; физическая культура, двигательное действие, спорт как метафизические феномены.

1. О необходимости модернизации наук о физической культуре и спорте говорят многие авторы. В принципе это, конечно, непреходящая тема: любая наука всегда ориентирована на прогресс знаний, в получении которых она специализируется. Однако обсуждение данной проблемы в случае наук о физической культуре и спорте сегодня особенно актуально. Дело в том, что уже давно существует и в последние годы особенно резко обозначилось серьёзное расхождение в концептуальной трактовке таких понятий как «двигательное действие» и «физическая культура», выступающих базовыми в науках о физической культуре и спорте, и трактовкой этих понятий в науках более

широкого плана, прежде всего в философской антропологии, которая также неизменно проявляет к данным феноменам повышенный интерес. Слова «актуальное цитирование», включенные в название данной статьи, и отражают стремление авторов обратить внимание исследователей на ряд суждений, имеющих в современной философии, которые актуально заостряют и фактически по-новому ставят многие традиционные для наук о физической культуре и спорте вопросы.

В этих науках до настоящего времени преобладает позитивистский подход, который бесспорно правомерен и эффективен при рассмотрении многих частных вопросов, но который

недостаточен при необходимости понимания указанных проблем в целом. В чём суть различий? – Прежде всего, в трактовке феномена «человек», которая реализуются в одном и в другом случаях. Человек – это *обычный природный предмет* – такова общая познавательная установка в естественно-научной, позитивистской, антропологии. В биологической антропологии этот подход смягчён: здесь человек – это *живой организм*. Психологическая антропология идёт ещё дальше: здесь человек обычно понимается как двойственное образование – как *единство души и тела*. Однако позитивистский подход в необходимой степени преодолевается только в философской антропологии, где человек рассматривается полномасштабно, как *тройственный* феномен. – Х.Плеснер: «Человек живёт и как душа, и как тело, и как психофизиологически нейтральное единство одного и другого» [15, с.122]. Вполне очевидно, что именно философское рассмотрение соответствует задаче обеспечения общего, концептуального, понимания сути феномена «человек» и главных его проявлений.

Уместно обратить внимание, что *двигательное действие*, а также *телесность человека* (как одна из возможных перешифровок словосочетания «физическая культура») нередко рассматриваются в философии как базисные в целом. – Ф. Ницше: «Вера в тело фундаментальнее, чем вера в душу. Феномен тела есть более богатый, отчётливый и осязаемый феномен, методически подлежащий выдвиганию на первое место, без какого-либо предпрещения его последнего смысла» [14, с.316]; К.Маркс, Ф.Энгельс: «Первый конкретный факт, который подлежит

констатированию, – телесная организация индивидов и обусловленное ею их отношение к остальной природе» [11, с. 19]; А. Гелен: «Исходя из действия как отправной точки можно построить совокупную науку о человеке» [5, с.161].

2. Итак, бытие человека сущностно тройственно. Изначально очевидно, что *двигательное действие*, как и всё свершающееся с человеком, также в общем случае реализуется как событие открытое этому человеку *тройственно*: в чувстве тела, в чувстве среды и в чувстве Я – в трансцендентальном чувстве, в котором представлена сопряженность внешнего и внутреннего миров и в котором человеку дано переживание своей причастности к реализации указанной сопряженности, своей судьбоносной включенности в процесс её осуществления. Двигательное действие – это полномасштабный акт человеческого существования, и в качестве такового он и должен рассматриваться. (Любой другой подход – это редукция, оправданная только лишь в отдельных познавательных ситуациях.) – М.Бахтин: «Физическое действие человека должно быть понято как поступок» [1, с.292]; Э.Рид: «Те живые движения, которые и составляют действие, являются не физическими движениями, а субъективными (личностными) проявлениями» [16, с.7]; М. Мерло-Понти: «Осмысленный жест тела по отношению к “другому” и к миру открывает такие возможности, о которых ни физиология, ни биология даже не подозревают» [13, с.18]; Дж.Гибсон: «Локомоции и манипуляции принадлежат к таким типам поведения, которые нельзя редуцировать до реакций. Продолжающимся усилиям физиологов и психологов совершить такую редукцию приходит закономерный конец» [6, с.138]. (Каждое

событие, происходящее в мире с участием человека, это не просто реакция, а *реакция на реакцию*, рефлексивный акт, и это обстоятельство открывается человеку как процесс, который при попытке осмысления им происходящего уводит его в глубинную бесконечность.)

3. Заметим, чтобы избежать очередного упрощения, что «субъективные проявления», о чём говорит, в частности, Э.Рид, это всегда проявления осуществляющегося действия в пространстве отношений *я-другой*. – М.Бахтин: «Во всём, чем человек выражает себя вовне (и, следовательно, *для другого*) от слова до тела происходит напряжённое взаимодействие *я-другой...*» [1, с. 320]. Это всегда *нравственные проявления*, которые, подчеркнём это, суть нечто большее, чем просто психологические феномены. – М.Мерло-Понти: «Психика вырастает лишь вокруг наличия совести, тогда появляется мир, поддающийся суждениям в терминах психических качеств людей» [13, с.269]; – Э.Левинас: «Этическое пространство это и есть пространство существования человеческого начала» [9, с. 545]; Любое отношение человека к миру имеет, в конечном счёте, субъект-субъектный характер. Человек замечает, обнаруживает собственное присутствие в мире как своё должествование по отношению к «другому» (к человеку, социуму, Богу, Миру в целом), и этим должествованием проникнуто любое происходящее с участием человека событие, в частности двигательное действие. Полномасштабная реализация двигательного действия уже сама по себе ставит человека перед необходимостью осуществления акта, который по своей структуре, по своему содержанию, есть акт нравственного выбора.

4.Следует обратить внимание, что ориентация на естественно-научный подход как на главный не только даёт существенно ограниченные представления о двигательном действии, что уже как таковое нежелательно, она также, вопреки устойчивым ожиданиям, не обеспечивает самому осуществляющему это действие субъекту адекватное, *в полной мере строгое*, знание о происходящем. Мы не всегда отдаём себе отчёт в том, что здесь происходит в действительности. Между тем для самого человека, в частности для спортсмена, двигательное действие, которое он совершает, в значительной мере представлено иным образом, чем в естественной науке. Действие осмысливается спортсменом на другом языке, и это не недостаток, поскольку научное описание двигательного действия *вторично* по отношению к языку, на котором реально человеком это действие фиксируется. (Уже самая общая представленность, к примеру, акта хотьбы в полной мере обнаруживает указанное обстоятельство: *для самого осуществляющего данный двигательный акт человека*, это, прежде всего, *волевое усилие*, в большей или меньшей степени осознаваемое, по координации «чувства среды» с «чувством тела», открытым человеку в данном акте.) Человек может не иметь, и в целом это чаще всего и происходит, научного знания о совершаемом двигательном действии, и тем не менее данное действие оказывается успешным. И это фундаментальное обстоятельство. Поэтому для того, чтобы действующий человек мог реально опереться на естественно-научные знания, они должны быть предварительно переосмыслены, перекодированными, переведены на язык внутреннего, в пределе - на язык трансцендентального,

открытого человеку *феноменологически* – как *конкретный случай переживания им своего присутствия в мире*. – М. Мерло-Понти: «Объективные знания о действии надо ещё привести в соответствие с телом. Фактические истины естественных наук и психологии могут прилагаться к конкретному индивиду лишь в том случае, если они пройдут через философское, прежде всего феноменологическое, уточнение и исправление» [13, с.190]. (Необходимо от представления о *моторной схеме* действия перейти к представлению о его *смысловой схеме* и соответствующим образом рассматривать вопрос о структуре реализующейся при этом функциональной системы.) *Учить человека двигательному действию – значит, по сути дела, учить его метафизике, философии*. Не лишне вспомнить, что именно такой смысл, в конечном счёте, имели у античных греков занятия борьбой и физическими упражнениями в палестрах и гимназиях. И именно это обстоятельство сделало логически приемлемым и практически возможным ту историческую трансформацию, которую претерпела в дальнейшем греческая гимназия, став местом выступления философов, а затем учебным заведением общеобразовательного характера.

5. Отметим также, что в целом человек всегда обладает способностью к указанным уточнениям и перекодировкам и всегда их осуществляет, что выражается, в частности, в том, что при выполнении действия он может успешно интегрировать «чувство среды» и «чувство тела» в одно целое, которое близко по своей сути медитационному (*феноменологически данному*) переживанию. – М. Мерло-Понти: «Тело само интерпретирует, "зрительные данные" появляются в нём сквозь призму

своего "тактильного смысла", а тактильные сквозь призму "зрительного смысла"» [13, с.200-201]. В восприятии человеком любого события и предмета нет ничего «чисто внешнего», в нём всегда есть элемент того, что дано в *сопереживании* этого внешнего, дано внутренне – и наоборот. В частности, нет представлений движения без соответствующей моторики (идеомоторики), и нет реального моторного акта без ментальных составляющих неизбежно этому акту сопутствующих и им производимых. Существенно, однако, что на практике способность человека к интеграции «чувства среды» и «чувства тела» в одно целое не является постоянной во всех случаях, и многое здесь зависит от исходной модели, в соответствии с которой двигательное действие воспринимается и осмысливается, от методологической позиции, которую занимает субъект в пространстве собственного действия, и феноменологический подход при анализе данного случая предпочтительней чем подходы другого характера.

6. Необходимо обратить внимание, что спортивные науки и соответствующие методические разработки в настоящее время идут уже чисто стихийно именно в направлении получения и использования феноменологического знания. В частности, эти науки (чаще всего в случае, когда их предметом являются циклические виды спорта) проявляют высокий интерес к особому рода интегральным переживаниям, в которых внешнее и внутреннее представлены в единстве: «чувство воды» - у пловца, «чувство хода лодки» - у гребца и т.д., и т.п. (Обладание этими чувствами является, как известно, показателем высокого уровня спортивной подготовленности индивида.) Попытка получить конкретное знание, то есть знание,

допускающее при выполнении двигательного действия прямое (без необходимости соответствующей перекодировки) его использование и тем самым обеспечивающее должную методическую эффективность педагогического процесса, связанного с технической подготовкой спортсмена, осуществляется также и в другом, однако близком к указанному, а, по сути дела, продолжающим ту же линию получения знаний феноменологического характера, как наиболее значимых, направлению. Речь идёт о включении в систему представлений о процессе освоения двигательного действия таких понятий, как «ориентировочная основа действия (ООД) и «основные опорные точки» (ООТ). При этом ООТ трактуется как «единый элемент» реальности, на уровне которого образ действия и образ среды, в которой происходит действие, объединяются, и именно на котором следует субъекту концентрировать своё внимание при выполнении движения[1]. («Чувство воды» в плавании – это для спортсмена *главная опорная точка*, единство внешнего и внутреннего, поэтому наука о плавании – это, в идеальном случае, развёрнутая научная интерпретация феномена «чувство воды».)

Несомненным достоинством такого рода рекомендаций является, как очевидно, именно то, о необходимости чего мы ведём речь: они даются на том же языке, излагаются в принципе теми же словами, которыми, прежде всего, пользуется спортсмен (а, по сути, любой человек) в процессе выполнения реального действия, осознавая цель осуществления действия, контролируя его протекание и осмысливая его результативность. Это не язык биомеханики, физиологии, биохимии и даже не язык психологии. (Л.Матвеев,

рассматривая данную проблему, подчёркивает, что инструкции, содержащие рекомендации о выполнении действий, не должны использовать слова и термины, которые абстрактны - в том отношении, что они *не вызывают у субъекта жизненно-реальных представлений о совершаемом движении*» [12, с.254].)

7. Таким образом, *методологически строгое* рассмотрение двигательного действия даёт возможность получить такое о нём представление, которое по многим своим моментам существенно отличается от традиционного. В настоящее время данное рассмотрение осуществляется главным образом в рамках философской антропологии и в феноменологии. Здесь выявляется многое из того, что остаётся вне поля зрения традиционной науки о физической культуре: что двигательное действие человека в своих сущностных, истинных реализациях не только направляется субъектом, но и *производит своего субъекта*; что человеческое тело обладает *спонтанной активностью*, а не становится деятельно- активным лишь в ситуации, когда оно подвергается воздействиям и влияниям со стороны внешней или внутренней среды; что по мере освоения двигательного действия тело человека приобретает всё большую способность реагировать на те события внешнего и внутреннего характера, которые обусловлены *присутствием и активностью в среде самого же данного тела*; что двигательное действие управляется (воссоздаётся) *из точки касания тела и среды, а не просто программируется ЦНС*; что максимальная степень автоматизации действия предполагает не угасание, а, напротив, *максимальную прояснённость и активность сознания*, которое концентрируется

при этом на происходящем в указанной точке касания и, по сути, самовозрождается в ней; что отношения индивида со средой на уровне высокого владения техникой двигательного действия переходят из преимущественно субъект-объектных в *субъект-субъектные*; и т.д. [3; 4].

Представление о двигательном действии, в основе которого лежит адекватная методология, даёт правильную интуицию о реализации данного феномена, обостряет у человека общее чувство движения, а в научно-познавательном плане – способствует формированию надёжной концептуальной основы для его теоретического анализа, что, в свою очередь, открывает новые возможности для разработки арсенала методических средств, позволяющих решать проблему двигательной подготовки человека высоко эффективно.

8. Рассмотренное представление о двигательном действии приводит нас к более содержательному пониманию феномена *человеческого тела*. Здесь тоже открывается возможность преодоления всё ещё преобладающего в науках о физической культуре позитивистского подхода. - М.Хайдеггер: «Тело человека есть нечто сущностно другое, чем животный организм... Если физиология и физиологическая химия способны исследовать человека в естественно-научном плане как организм, то это ещё вовсе не доказывает того, что в такой “органике”, то есть в научном объяснённом теле покоится существо человека» [18, с.323]. Соответственно иначе понимается «физическая культура». А именно: это *особый режим функционирования тела*, в рамках которого осуществляется процесс воспроизводства человека как существа, наделённого способностью к самосознанию

и нравственному чувству. Таким образом, и здесь перед нами *метафизический феномен*. Существенно, что при этом активные проявления тела, как и любое метафизическое событие, осуществляется в полной мере лишь тогда, когда человек устремлён к первосущему, к трансцендентальному, когда данная устремлённость актуально реализуется, то есть когда субъект ориентирован на переживание своего психофизического бытия как на *метафизический процесс*, и когда он волевым образом поддерживает метафизическое, которое исходно присутствует в соответствующем акте. (Именно это происходит, к примеру, в *классической системе йоги*, решающим моментом в осуществлении которой является наличие у человека ориентации на *самадхи*, а не просто выполнение *асан*.)

Следует помнить, что такого рода телесная активность человека, как сущностно метафизический процесс, уже сама по себе это - подлинно *культурная ситуация*. (Й.Хейзинга: «Культура должна быть метафизически ориентированной, либо её вообще нет» [20, с.184]) Здесь производится человеческая сущность. - М.Хайдеггер: «Метафизика – фундаментальный акт человеческого бытия» [17, с.460]; М.Мамардашвили: «Человек не собирается (не воспроизводится, не свершается), если не свершаются определённые философские акты, знает он об этом или нет» [10, с.234].

9. Двигательное действие – это метафизическая реальность. Причём, в качестве таковой это изначально, сущностно не интеллектуально-умозрительный акт, а акт *практически-телесный*. Всё чем человек располагает, подчёркивает М.Мамардашвили, *всё человеческое в нас* - «будь то восприятие,

мысль, любовь, доблесть, что угодно, будь то совесть — всё это, конечно, метафизическое в нас. Но не в виде теории. Нет, метафизика может действовать только воплощениями. Наша плоть идёт в дело» [10, с.46]. Принципиально важно принимать во внимание, что «плоть идёт в дело» в любом акте человеческой культуры: нравственном, интеллектуальном, эстетическом, религиозном и т.д. Любой такой акт есть реальный случай свершения акта физической культуры. Для того, чтобы получить возможность, скажем, эстетического переживания, надо перевести тело в метафизический режим. Поэтому диапазон средств развития физической культуры реально существенно больший, чем принято считать в науках о спорте и физической культуре. С другой стороны, не любое упражнение в *двигательной активности* реально является ситуацией развития физической культуры. Такое развитие происходит лишь тогда, когда человек ориентирован в рамках проводимых упражнений на метафизическое. Сказанное не означает, конечно, что физические упражнения, лишённые указанной ориентации, не способствуют увеличению, скажем, *динамометрически оцениваемой* силы или другого традиционно понимаемого в теории спорта физического качества. Однако такого рода прирост очевиден как увеличение *функциональных возможностей* индивида, а не уровня его *физической культуры*. (Ситуация в целом здесь та же, что в случае любого другого культурного события, например, высокая способность к логическому просчёту определенной ситуации ещё не является свидетельством высокой интеллектуальной культуры индивида.)

Тело человека, как и всё человеческое, представлено человеку тройственно; это единство внешнего, внутреннего и феноменологического тел. Границы между ними легко проходимы и подвижны. (М. Мерло-Понти, в частности, отмечает: «Наше тело образует из других вещей сферу вокруг себя, так что они становятся его дополнением и продолжением. Вещи уже инкрустированы в плоть моего тела, составляют часть его полного определения, и весь мир скроён из той же ткани, что и оно» [13, с.190].) Человек существует на границе «внешнее-внутреннее», которую он культивирует и которая подвижна. - М Бахтин: «У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе ...» [1, с. 312]; К.Ясперс: «Человек — это существо, которое должно быть способно жить из своей середины» [21, с.44].

10. Помимо вышеназванных имеют место также и другие обстоятельства, ставящие сегодня вопрос о необходимости модернизации наук о физической культуре и спорте особенно остро. Речь идёт о понимании *сущности спорта*. На обыденном, а также часто на научно-теоретическом уровне оно обычно не раскрывает в должной мере вопроса о сути спорта как глобального явления, а также не даёт обоснованного объяснения причин и характера его беспрецедентной популярности в обществе. Обратим особое внимание, что в античной Греции, где современный (олимпийский) спорт, по сути, возник, он трактовался более содержательно, чем это имеет место сегодня. Здесь спорт фактически воспринимался как деятельность, которая акцентировано воспроизводит *агональное событие* - ситуацию человеческого существования как таковую, он оценивался как

самодостаточное соревнование, как процесс, в котором проверялась *общемировоззренческая компетентность* человека, его подготовленность к делу истинной самореализации. Грек понимал спорт метафизически и был воодушевлён его метафизическим смыслом. (Олимпийский победитель здесь не просто «лучший атлет», он – «лучший грек».) Следуя греческой традиции, мы и сегодня должны понимать спорт именно таким образом, как, вообще говоря, его в целом понимал П.Кубертен, когда утверждал, что для него спорт – это, прежде всего, «религиозное сознание» [8, с.91-92] и сожалел, что его современники всё ещё не понимают смысл слов «спортивная религия», которые, однако, были понятны греку [22, с.25].

11. Сущностное понимание спортивной деятельности предполагает, что перед нами, опять-таки, тройственное образование, что спорт – это *триада*, находящихся в сопряжении миров: внешнего, внутреннего, трансцендентального, и потому истинное понимание спорта предполагает единство трёх типов знаний – соответственно, *социологического, психологического и философского*. Методология получения знания последнего типа требует рассмотрения происходящего в спорте не как проявления активности человеческого Я, понимаемого как – инстанция, существующая и способная реализовывать себя *до начала* двигательной активности, как бы запускающая эту активность, а как инстанция, которая возникает в процессе спонтанного акта самого движения (в самодвижении) глубинных процессов бытия в феноменологически открытой человеку точке его телесного присутствия в мире. Подход к анализу, о необходимости которого мы ведём здесь речь, позволяет снять повсеместно распространённый в

рассмотрении двигательного действия (а, по сути, человека в целом) методологический просчёт, который В.Зинченко и М.Мамардашвили называют *субстанционализмом* и справедливо критически его оценивают: «Мыслит ли мозг или же мыслит гомункулс – это всё различные проекции одного и того же субстанционализма» [7, с. 115]. Авторы подчёркивают: «Возможность объективного подхода к миру психики и сознания реальны, если мы не будем относиться к нему как к уже готовому и заданному, а будем помнить, держать в голове, что это всегда устанавливающийся мир сознания любого конкретного человека» [7, с. 116]. Это принципиально важное положение: его принятие или неприятие проводит резкую границу между адекватным и, соответственно, неадекватным взглядами на суть человека и на характер тех или иных его проявлений в целом. Сознание должно не только однажды, на определённой стадии индивидуального развития человека (в младенчестве) возникнуть и в дальнейшем управлять телом, но и само в процессе человеческого существования вновь и вновь возобновляться, и процесс этого возобновления должен *предшествовать* или, по крайней мере, происходить одновременно с осуществлением действия. Если этого нет, то, как замечает по данному поводу М.Мерло-Понти, «невозможно понять посредством какой мистической операции представление о движении порождает в теле именно это движение» [7, с.187].

В силу сказанного анализ двигательного действия предполагает, как подчёркивают В.Зинченко и М.Мамардашвили, наличие понятий, которые «должны относиться к работе по реальному построению

изучаемого движения. При этом замечательно, что это не понятия описывающие работу “я”, скорее “оно” работает, не “я”. Когда мы говорим “оно” это попытка указать на факт самодействия всего того, что живёт среди вещей, там в мире объектов. Движение, как и психика, самостроится и саморазвивается» [7, с.117].

12. В заключении подчеркнём, что, рассматривая вопрос о необходимости модернизации концептуальных основ науки о физической культуре и спорте и подчёркивая при этом важность укрепления позиций философского подхода к анализу проблем, являющихся для указанных наук основополагающими, мы не ведём речь о необходимости полной замены позитивистской точки зрения философской. Такого рода постановка вопроса, строго говоря, вообще некорректна, а в случае наук о физической культуре и спорте некорректна особенно, поскольку и спорт и физкультурная деятельность относятся в рамках социальной жизнедеятельности

человека к числу сфер, где значимость *внешним образом представленных* результатов в значительной мере акцентирована. Это обстоятельство, уже по себе, предполагает использование *позитивистского* подхода при рассмотрении результатов происходящего и оценке его эффективности. Поэтому речь идёт, прежде всего, об *увеличении присутствия* философского подхода в осмыслении и понимании сути физической культуры и спорта. Это актуально, как мы стремились показать, в общепознавательном отношении, поскольку способствует трансформации и развитию самого позитивного знания, преодолению его радикальных и порою не в полной мере адекватных форм. Также не маловажно, что в социально-культурном контексте рассматриваемая модернизация является важным шагом на пути гуманитаризации наук о физической культуре и спорте, что соответствует главной тенденции развития системы современного знания в целом.

Литература:

1. Бахтин М. (1979) Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 606 с.
2. Боген М. (1985) Обучение двигательным действиям. М.: Физкультура и спорт. 192 с.
3. Визитей Н. (2009) Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений. М.: Советский спорт. 256 с.
4. Визитей Н., Манолаки В. (2005) Идея олимпизма и спорт (Философско-культурологический анализ проблемы). Кишинёв: Б.н. (Tipog. "Valinex SRL"). 264 с.
5. Гелен А. (1988) О систематике антропологии // Проблема человека в Западной философии. М.: Прогресс. С.152-201.
6. Гибсон Дж. (1984) Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс. 464 с.
7. Зинченко В., Мамардашвили М. (1977) Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. №7. С.112-119.
8. Кубертен П. (1992) Олимпийские мемуары. Киев: Олимпийская литература. 180 с.
9. Левинас Э. (2003) Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом. С. 514-524.
10. Мамардашвили М. (1993) Картезианские размышления. М.: Прогресс. 352 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т.3. С.7-544.
12. Матвеев Л. (2008) Теория и методика физической культуры. М.: Физкультура и спорт. 544 с.

13. Мерло-Понти М. (1999) Феноменология восприятия. Спб: Наука. 606 с.
14. Ницше Ф. (1999) Воля к власти. Киев: Наукова думка. 402 с.
15. Плеснер Х. (1988) Ступени органического и человек //Проблема человека в Западной философии. М.: Прогресс. С.96-151.
16. Рид Э. Уроки по теории действия // Управление движениями. М.: Наука, 1990. С. 7-19.
17. Хайдеггер М. (2007) Основные понятия метафизики. Бытие и время. Статьи и выступления. М.: Наука. С.452-477.
18. Хайдеггер М. (1988) Письмо о гуманизме //Проблема человека в Западной философии. М.: Прогресс. С. 314-356.
19. Хайдеггер М. (1991) Разговор на просёлочной дороге. М.: Высшая школа. 192 с.
20. Хейзинга Й. (1992) Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 464 с.
21. Ясперс К. (1991) Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 564 с.
22. Coubertin P. (1915) Comus-toi toi-meme //Excelsior, 23 august. P. 24-31.